

История немецкого либерализма.

Гражданская война, столь пагубная для могущества государств, напротив того и как раз по этой самой причине, всегда благоприятна пробуждению народной инициативы и интеллектуальному, моральному и даже материальному развитию народов. Причина этого очень проста: гражданская война нарушает, колеблет в массах баранье состояние, столь дорогое правительствам и превращающее народ в стада, которые пасут и стригут по желанию. Она порывает оскотинивающее однообразие их ежедневного существования, машинального, лишенного мысли и, заставляя думать над претензиями различных принцев или партий, оспаривающих друг у друга право угнетать и эксплуатировать их, приводит их чаще всего к сознанию, если не продуманному, то по меньшей мере инстинктивному той глубокой истины, что как одни, так и другие не имеют права на них, и что намерения их всех одинаково дурны. Кроме того с момента, как обычно усыпленная мысль масс просыпается в одном направлении, она неизбежно начинает работать и в других направлениях. Ум народа возбуждается, порывает со своей вековой неподвижностью и, выходя за пределы машинальной веры, разбивая иго традиционных и окаменелых представлений или понятий, которые заменяли ему всякие мысли, он подвергает все вчерашние кумиры страстной суровой критике, направляемой его здравым смыслом и его честной совестью, часто более стоящею, нежели наука. Так пробуждается ум народа. С умом рождается в нем священный инстинкт, чисто человеческий инстинкт бунта, источник всякого освобождения, и одновременно развиваются его мораль и его материальное благосостояние, дети-близнецы свободы. Эта свобода, столь благодетельная для народа, находит поддержку, гарантию и поощрение в самой гражданской войне, которая, разделяя его угнетателей, эксплуататоров, опекунов или господ, необходимо уменьшает зловерное могущество тех и других. Когда господа дерутся между собою, бедный народ, освобожденный по меньшей мере отчасти от однообразия общественного порядка или, скорее, от анархии и окаменелой несправедливости, которые ему навязаны под именем общественного порядка их ненавистной властью, - может вздохнуть несколько свободнее. Впрочем, противные стороны, ослабленные разделением и борьбой, нуждаются в симпатии масс, чтобы победить в борьбе друг с другом. Народ становится любовницей, перед которой заискивают, за которой ухаживают, которую задабривают. Ему дают всевозможные обещания, ему делают различные действительные политические и материальные уступки. Если он не освобождает себя в такой момент, - он сам целиком виноват в этом.

Как раз при таких обстоятельствах более или менее освободились в средние века коммуны всех стран Западной Европы. По способу, каким они освободились и, особенно, по политическим, интеллектуальным и социальным результатам, которые они сумели извлечь из своего освобождения, можно судить об уме, естественных стремлениях и темпераментах различных национальностей.

Так уже к концу одиннадцатого века мы видим Италию обладающую полным развитием ее муниципальных свобод, торговли и рождающихся искусств. Города Италии сумели использовать начинавшуюся памятную борьбу императоров и пап, чтобы завоевать свою независимость. В том же веке Франция и Англия переживают уже полный расцвет схоластической философии и, как следствие этого первого пробуждения мысли в области веры, и этого первого смутного бунта разума против веры, мы видим на юге Франции зарождение ереси, занесенной из романской Швейцарии. В Германии же ничего. Она работает, молится, поет, строит свои храмы - великолепное выражение ее крепкой и наивной веры, и повинуетя безропотно своим священникам, дворянам, принцам и императорам, которые грубо обращаются с ней и грабят ее без жалости и стыда.

В двенадцатом веке образуется великая Лига независимых и свободных городов Италии против императора и против папы. С политической свободой естественно начинается бунт ума. Великий Арно де Брешиа сожжен в Риме в 1155 году за ересь. Во Франции сжигают Пьера де Брюи и преследуют Абеляра. И что еще существеннее, - поистине народная и революционная ересь Альбигойцев восстает против господства папы, священников и феодальных сеньеров. Преследуемые, они распространяются во Фландрии, в Богемии, до Болгарии, но не в Германии. В Англии, король Генрих I Боклерк вынужден подписать хартию, основу всех последующих свобод. Среди всего этого движения одна верная Германия остается неподвижной и незатронутой. Ни одной мысли, ни одного акта, который отметил бы пробуждение независимой воли или какого-либо стремления в народе. Только два важных факта можно отметить за это время. Во первых - создание двух новых рыцарских орденов: тевтонских крестоносцев и ливонских оруженосцев. Задачей обоих была подготовка величия и мощи будущей кнута-германской империи путем пропаганды оружием католицизма и германизма на севере и на северо-востоке Европы. Известен единообразный и постоянный метод, который употребляли эти любезные пропагандисты Евангелия Христа, чтобы обратить в христианство и германизировать славянские варварские и языческие населения. Впрочем, это тот-же самый метод, который употребляется теперь их достойными преемниками для морализации, для цивилизации длягерманизации Франции; эти три различных глагола в мыслях и на языке немецких патриотов равнозначущи. Это массовые и единичные избиения, пожары, грабежи, насилия, уничтожение одной части населения и порабощение другой. В завоеванных странах, вокруг лагерей вооруженных цивилизаторов, образовывались затем немецкие города. В них поселялся святой епископ, благословляющий, не смотря ни на что, все преступления, совершенные или затеянные этими благородными разбойниками. С ним являлась стая попов, и они насильно крестили уцелевших от погромов, а затем заставляли этих рабов строить церкви. Привлеченные таким обилием святости и славы, прибывали затем эти добрые немецкие буржуа, смиренные, раболепные, подло-почтительные перед дворянской наглостью, ползающие на коленях перед установленными политическими и религиозными властями, одним словом низкопоклонничающие перед всем, что представляет какую-либо власть, но в высшей степени жестокие и полные презрения и ненависти к туземному побежденному населению. Впрочем, к этим, если не очень блестящим, то во всяком случае полезным качествам они присоединяли силу, ум и упорство в труде, и удивительную способность расти и распространяться, что делало этих трудолюбивых паразитов весьма опасными для независимости и цельности национального характера, даже в стране, где они поселились не по праву завоевания, но из милости, как например, в Польше. Таким образом

восточная и западная Пруссия и часть великого герцогства Познанского в один прекрасный день оказались германизированными.- Второй германский акт, совершившийся в этом веке, это - возрождение римского права, вызванное, конечно, не национальной инициативой, но специальным повелением императоров, которые, поддерживая и распространяя изучение вновь обретенных Пандектов Юстиниана, подготовляли основы для современного абсолютизма.

В тринадцатом веке, немецкая буржуазия кажется, наконец пробудившейся. Войне Гвельфов и Гиббелинов, продолжавшейся около столетия, удалось прервать ее песни и мечты и вызвать ее из ее набожной летаргии. Она начала поистине умелой хозяйской рукой. Следуя несомненно примеру, который им дали города Италии, торговые сношения которой распространились по всей Германии, более шестидесяти немецких городов образовали чудовищную торговую и неизбежно политическую лигу, знаменитую Ганзу.

Если бы немецкая буржуазия имела инстинкт свободы, хотя бы даже частичный и ограниченный, какой только и был доступен в эти отдаленные времена, она могла бы завоевать свою независимость и установить свое политическое могущество уже в тринадцатом веке, как это сделала гораздо раньше итальянская буржуазия. Политическое положение немецких городов в эту эпоху впрочем вполне было сходно с положением итальянских городов, с которыми они были связаны вдвойне - и претензиями Священной Империи и более реальными торговыми отношениями.

Как республиканские города Италии, немецкие города могли рассчитывать лишь на себя самих. Они не могли, как коммуны Франции, опереться на возрастающее могущество монархической централизации, так как власть императоров, которая гораздо более основывалась на их способностях и на их личном влиянии, нежели на политических институтах и вследствие этого изменялась с переменой лиц, никогда не могла укрепиться и пустить корни в Германии. Впрочем, вечно занятые делами Италии и их бесконечной борьбой с папами, они проводили три четверти своего времени вне Германии. По этим двум причинам, власть императоров, вечно непрочная и вечно оспариваемая, не могла представить собою, как и власть королей Франции, достаточную и серьезную поддержку освобождению коммун.

Города Германии не могли так же, как и английские коммуны, объединиться с земельной аристократией против власти императора, чтобы потребовать свою долю политической свободы: царский дом и вся феодальная знать Германии, в противоположность английской аристократии, всегда отличались совершенным отсутствием политического смысла. Это было просто сборище грубых разбойников, свирепых, глупых, невежественных, склонных лишь к жестокой и грабительской войне, разврату и сладострастию. Они были годны лишь для нападений на городских торговцев на большой дороге или для разграбления самих городов, когда чувствовали себя в силах, но не для понимания пользы союза с ними.

Немецкие города, чтобы защищаться против грубого притеснения, против придирок и регулярного или нерегулярного грабежа императоров, властительных принцев и дворян, могли, следовательно, в действительности рассчитывать лишь на свои собственные силы и на союз между собой. Но, чтобы этот союз, эта самая Ганза, которая всегда была лишь

почти, исключительно торговым союзом, могла доставить им достаточное покровительство, следовало бы, чтобы она приняла определенно-политический характер и значение: чтобы она вмешалась, как признанная и уважаемая сторона, в самую конституцию и во все как внутренние, так и внешние дела Империи.

Впрочем обстоятельства были в высшей степени благоприятны. Могущество всех властей Империи было значительно ослаблено борьбой Гибелинов и Гвельфов; и раз немецкие города почувствовали себя достаточно сильными для образования взаимной защиты против всех угрожавших им грабителей, коронованных или некоронованных, ничто не мешало им придать этой лиге гораздо более положительный политический характер, характер могучей коллективной силы, требующей уважения и заставляющей уважать себя. Они могли сделать больше, пользуясь более или менее фиктивным союзом, который мистическая святая Империя установила между Италией и Германией, немецкие города могли бы объединиться или сфедерироваться с итальянскими городами, подобно тому, как они объединились с фламандскими городами и позже даже с некоторыми польскими городами. Они, конечно, должны были бы сделать это не на узко-немецкой, а на широкой международной базе. И кто знает, не придал ли бы такой союз, в котором к природной, несколько грубой и тяжеловатой силе немцев, присоединился ум, политический талант и любовь к свободе итальянцев, политическому и социальному развитию Запада совсем иное и гораздо более благоприятное направление для цивилизации всего мира. Единственная крупная невыгода, которая вероятно произошла бы от такого союза, было бы образование нового политического слоя, могущественного и свободного, вне рядов земледельческих масс и, следовательно, враждебного им; крестьяне Италии и Германии тогда находились бы еще в большей зависимости от феодальных сенъеров, чего, впрочем, и так не удалось избежать, ибо муниципальная организация городов имела своим последствием глубокое разделение крестьян от буржуа и их рабочих, как в Италии, так и в Германии.

Но не будем мечтать за этих добрых немецких буржуа! Они достаточно мечтают сами. Только к несчастью предметом их мечтаний никогда не была свобода. Они никогда, ни в те времена, ни позже не обладали интеллектуальными и моральными предрасположениями, необходимыми для понимания, для любви, для желания и создания свободы. Дух независимости был им всегда чужд. Бунт для них так же отвратителен, как и ужасен. Он несовместим с их покорным и подчиненным характером, с их терпеливо и мирно трудолюбивыми привычками, с их одновременно рассудочным и мистическим культом власти. Можно сказать, что все немецкие буржуа рождаются с шишкой набожности, естественного порядка и послушания во чтобы то ни стало. Люди с такими предрасположениями никогда не становятся свободными и даже посреди самых благоприятных условий остаются рабами.

Это и случилось с Лигой ганзейских городов. Она никогда не преступала границ умеренности и благоразумия, стремясь лишь к трем вещам: чтобы ей предоставили мирно обогащаться от ее промышленности и торговли, чтобы уважали ее организацию и внутреннее законоуправление, и чтобы от нее не требовали слишком больших денежных жертв в обмен на покровительство или терпимость, которые ей оказывали. Что же касается общих дел империи, как внутренних, так и внешних, немецкая буржуазия охотно предоставляла заботы о них "большим господам", будучи слишком скромна сама, чтобы

вмешиваться в них.

Такая большая политическая умеренность необходимо должна была сопровождаться, или скорее даже являться верным симптомом большой медленности в интеллектуальном и социальном развитии нации. И в самом деле мы видим, что за весь тринадцатый век немецкий ум, несмотря на большое торговое и промышленное движение, несмотря на все материальное процветание немецких городов, не произвел решительно ничего. В тот самый век в школах Парижского Университета, не взирая на короля и папу, проповедывали уже доктрину, смелость которой привела бы в ужас наших метафизиков и наших теологов. Эта доктрина утверждала, например, что мир будучи вечным, не мог быть сотворенным, и отрицала нематериальность душ и свободную волю. В Англии мы видим великого монаха Рожера Бекона, предшественника современной науки и действительного изобретателя компаса и пороха, хотя немцы и хотели бы приписать себе это полезное изобретение для того без сомнения, чтобы опровергнуть известную пословицу. В Италии родился Данте. В Германии - полнейшая интеллектуальная ночь.

В шестнадцатом веке Италия обладала уже великолепной национальной литературой Данте, Петрарка, Боккачио; и в области политической Риенци и Мишель Ландо, рабочий чесальщик, хоругвеносец во Флоренции. Во Франции коммуны, представленные в Генеральных Штатах, окончательно определяют свой политический характер, поддерживая королевство против аристократии и папы. Это также - век жаккерии первого деревенского восстания Франции, - восстания, к которому искренние социалисты не будут испытывать, конечно, ни презрения, ни тем более ненависти буржуа.

В Англии Джон Виклеф, истинный инициатор религиозной реформации, начинает свои проповеди. В Богемии, славянской стране, составляющей, к сожалению, часть германской империи, мы сталкиваемся в народных массах, среди крестьян с интереснейшей и симпатичнейшей сектой Братцев, осмелившейся выступить на борьбу с небесным деспотом, встав на сторону Сатаны, этого духовного главы всех прошлых настоящих и будущих революционеров, истинного виновника - по свидетельству Библии - человеческого освобождения, отрицателя небесной империи, как мы являемся отрицателями всех земных империй, творца свободы, - того, кого Прудон в своей книге о Справедливости приветствовал с красноречием, исполненным любви. "Братцы" подготовили почву для революции Гусса и Жижки. Наконец, швейцарская свобода родилась в том же веке.

Бунт немецких кантонов Швейцарии против деспотизма Габсбургского дома - явление столь противное национальному духу Германии, что необходимым, непосредственным, последствием его было образование новой Швейцарской нации, крещенной во имя бунта и свободы, и как таковой, отделенной отныне непреодолимым барьером от германской Империи.

Немецкие патриоты любят повторять словами знаменитой пангерманской песни Арндта, что "их отечество распространяется повсюду, где звучит немецкая речь, воспевающая хвалу Господу Богу".

"So weit die deutsche Zunge klingt,

Und Gott im Himmel Lieder singt!".

Если бы они хотели скорее считаться с истинным смыслом их истории нежели с вдохновениями их всепожирающей фантазии, они должны были бы сказать, что их отечество распространяется повсюду, где существует рабство народов, и перестает быть там, где начинается свобода.

Не только Швейцария, но и города Фландрии, хотя и связанные с немецкими городами материальными интересами, интересами возрастающей и процветающей торговли, и несмотря на то, что они принимали участие в Ганзейской Лиге, стремились, начиная с того века, все больше отделиться от Германии под влиянием этой самой свободы.

В Германии на протяжении всего этого века среди возрастающего материального процветания, - никакого ни интеллектуального, ни социального движения. В политике только два события, первое - декларация принцев Империи, которые, увлеченные примером королей Франции, объявили, что Империя должна быть независимой от папы, и что императорское достоинство исходит от одного Бога; второе - учреждение знаменитой Золотой Буллы, которая окончательно организует Империю и решает, что отныне будет существовать семь принцев - избирателей, в честь семи золотых светильников апокалипсиса.

Вот, наконец, мы подошли к пятнадцатому веку, это - век Возрождения. Италия в полном расцвете. Вооруженная философией, обретенной в древней Греции, она разбивает тягостную тюрьму, в которой католицизм на протяжении десяти веков держал заключенным человеческий ум. Вера падает, возрождается свободная мысль. Это сверкающая и радостная заря человеческого освобождения. Свободная почва Италии покрывается свободными и смелыми мыслителями. Сама Церковь становится языческой. Папы и Кардиналы, пренебрегая святым Павлом ради Аристотеля и Платона, проникаются материалистической философией Эпикура и, забыв христианского Юпитера, служат лишь Вакху и Венере. Впрочем это не мешает им время от времени преследовать свободных мыслителей, увлекательная пропаганда которых грозит уничтожить в народных массах веру в этот источник папского могущества и доходов. Пламенный знаменитый пропагандист новой веры, веры человеческой, Пик де Мирандоль, умерший таким молодым, особенно навлекает на себя громы Ватикана.

Во Франции и в Англии - затишье. В первой половине этого века - постыдная, глупая война, раздутая честолюбием королей и глупо поддержанная английской нацией, - война, которая откинула назад на целый век и Англию и Францию. Как ныне пруссаки, англичане пятнадцатого века хотели разрушить, подчинить Францию. Они даже овладели Парижем, что не удалось еще до сих пор немцам, несмотря на все их желание[39]*, и сожгли Жанну д'Арк в Руане, как немцы вешают ныне вольных стрелков. Они были наконец изгнаны из Парижа и из Франции, что случится, будем надеяться, и с немцами.

Во второй половине пятнадцатого века, во Франции мы видим зарождение истинного королевского деспотизма, укрепленного этой войной. Это - эпоха Людовика XI, грубого бурбона, который стоит один Вильгельма I с его Бисмарком и Мольтке, это - основатель

бюрократической и военной централизации Франции, создатель государства. Он еще снисходит иногда до того, чтобы опереться на корыстные симпатии своей верной буржуазии, которая с удовольствием любит, как ее добрый король сносит столь надменные и гордые головы ее феодальных сеньеров. Но чувствуется уже по манере его обращения с нею, что, если она не хотела бы его поддерживать, он сумел бы заставить ее. Всякая независимость - дворянская или буржуазная, духовная или телесная - ему одинаково противна. Он уничтожает рыцарство и учреждает военные ордена, - в этом выражается его попечение о дворянстве. Он облагает свои любезные города сообразно своему капризу и диктует свою волю Генеральным Штатам, - такова при нем свобода буржуазии. Наконец, он запрещает чтение сочинений авторов-материалистов, не допускающих реальности отвлеченных идей, и приказывает чтение ортодоксальных мыслителей, защищающих реальное существование этих идей - такова свобода мысли. И что же! Несмотря на столь тяжкое давление, во Франции в конце пятнадцатого века появляется Раблэ, глубоко народный гальский гений, преисполненный духа человеческого бунта, характеризующего век Возрождения.

В Англии, несмотря на ослабление народного духа - естественное последствие постыдной войны, которую она вела с Францией в течение всего пятнадцатого века, - ученики Виклефа пропагандируют доктрину своего учителя, несмотря на жестокие преследования, жертвами коих они становятся, и готовят таким образом почву для религиозной революции, которая вспыхнула сто лет спустя. В то же время, путем индивидуальной, неслышной, невидимой и неуловимой, но тем не менее очень живучей пропаганды в Англии, как и во Франции, свободный дух Возрождения стремится создать новую философию. Фламандские города, ревнивые к своей свободе и сильные своим материальным процветанием, входят целиком в современное артистическое и индивидуальное развитие, еще больше отделяясь благодаря этому от Германии.

Что касается Германии, мы видим ее спящую самым глубоким сном в течение всей первой половины этого века. И однако в недрах Империи и в самом непосредственном соседстве с Германией произошло громадного значения событие, которое было достаточным, чтобы встряхнуть оцепенение любой другой нации. Я имею в виду религиозный бунт Иоанна Гусса, великого славянского реформатора.

С чувством глубокой симпатии и братской гордости думаю я об этом великом национальном движении славянского народа. Это было больше, чем религиозное движение, - это был победоносный протест против немецкого деспотизма, против аристократическо-буржуазной цивилизации немцев, это был бунт классической славянской общины против немецкого Государства. Два великих славянских бунта имели уже место в одиннадцатом веке. Первый был направлен против благочестивого угнетения храбрых тевтонских рыцарей, предков нынешних дворянчиков-лейтенантов Пруссии. Славянские инсургенты сожгли все церкви и истребили всех священников. Они ненавидели христианство и с полным основанием, ибо христианство означало германизм в его наименее привлекательной форме. Это были любезный рыцарь, добродетельный священник и честный буржуа, все трое чистокровные немцы, представляющие, как таковые, идею власти, во что бы то ни стало, и реальность грубого, наглого и жестокого угнетения. Второе восстание произошло тридцатью годами

позже в Польше. Это было первое и единственное восстание чисто польских крестьян. Оно было подавлено королем Казимиром. Вот, какое суждение об этом событии дал великий польский историк Лелевель, патриотизм и даже известное предпочтение которого к классу, который он называл благородной демократией, не могут быть никем подвергнуты сомнению: "Партия Маслова" (глава восставших крестьян Мазовии) "была народной и в союзе с язычеством; партия Казимира была аристократической и сторонницей христианства" (то есть германизма). И дальше он прибавляет. "Безусловно нужно рассматривать это гибельное событие, как победу, одержанную над низшими классами, участь которых могла лишь ухудшиться впоследствии. Порядок был восстановлен, но ход социального состояния повернулся с тех пор сильно к невыгоде низших классов. (История Польши. Иоакима Лелевеля. Т. II, стр. 19).

Богемия позволила себя германизировать еще больше, чем Польша. Как и Польша, она никогда не была завоевана немцами, но дала им глубоко испортить себя. Будучи членом Священной Империи с момента ее образования, как Государства, она никогда к своему несчастью не могла отделиться от нее и восприняла все ее клерикальные, феодальные и буржуазные учреждения. Города и дворянство Богемии частью германизировались; дворянство, буржуазия и духовенство были немецкими не по рождению, но по крещению, точно также, как по своему воспитанию и политическому и социальному положению, ибо первобытная организация славянских общин не признавала ни священников, ни классов. Одни лишь крестьяне Богемии не были поражены этою немецкою чумою и разумеется являлись ее жертвами. Этим обгоняется их инстинктивные симпатии ко всем крупным народным ересям. Так, ересь де-Во распространилась в Богемии уже в двенадцатом веке и секта Братцев в четырнадцатом, и к концу этого века настала очередь для ереси Виклефа, сочинения которого были переведены на богемский язык. Все эти ереси стучали также и в двери Германии; они даже должны были пересечь ее, чтобы достигнуть Богемии. Но в недрах немецкого народа они не встретили ни малейшего отзвука. Нося в себе семена бунта, они должны были скользить по его непоколебимой верности, не затронув ее, не будучи даже в силах нарушить его глубокий сон. Напротив того, они нашли благодатную почву в Богемии, народ которой поработенный, но не германизованный, проклинал от всего сердца и это рабство и всю аристократически-буржуазную цивилизацию немцев. Этим объясняется, почему на пути религиозного протеста чешский народ должен был на целый век опередить немецкий народ.

Одним из первых проявлений этого религиозного движения в Богемии было массовое изгнание всех немецких профессоров Пражского Университета, - ужасное преступление, которого немцы никогда не могли простить чешскому народу. И однако, если взглянуть на дело поближе, придется согласиться, что этот народ был тысячу раз прав, изгоняя этих патентованных и угодливых развратителей славянской молодежи. Стоит вспомнить, чем были немецкие профессора - за исключением очень короткого периода около тридцати пяти лет, между 1813 и 1848 годами, когда тлетворный дух либерализма и даже французского демократизма проскользнул контрабандой и удержался в немецких университетах, представленный там двадцатью-тридцатью славными учеными, воодушевленными искренним либерализмом; до этого времени они были, а после под влиянием реакции 1849 г. снова стали льстецами всех властвующих, учителями раболепства. Происшедшие из немецкой буржуазии, они добросовестно отражают ее стремление и дух. Их наука есть

верное проявление рабского сознания. Это идейное освящение исторического рабства.

Немецкие профессора пятнадцатого века в Праге были по крайней мере столь же низкопоклонны, такие же лакеи, как и профессора нынешней Германии, которые телом и душой преданы Вильгельму I, свирепому, будущему господину Кнута-Германской империи. Они были рабски преданы заранее всем императорам, каких благоугодно будет семи апокалиптическим принцам - избирателям Германии дать Священной Германской империи. Им было безразлично, кто бы ни был господином, лишь господин был бы, так как общество без господина - чудовищность, которая необходимо должна возмущать их немецко-буржуазное воображение. Общество без господина было бы ниспровержением германской цивилизации.

Какие же науки преподавали эти немецкие профессора пятнадцатого века? Римско-католическую теологию и кодекс Юстиниана, - два орудия деспотизма. Прибавьте сюда схоластическую философию и притом в такую эпоху, когда она, оказавшая несомненно в прошлых веках большие услуги освобождению духа, остановилась и как бы застыла в своей чудовищной и педантичной неповоротливости, в которой современная мысль, одушевленная предчувствием, если еще не обладанием живой науки, пробила не одну брешь. Прибавьте сюда еще немножко варварской медицины, преподаваемой как и все остальное, на самой варварской латыни, и перед вами весь научный багаж этих профессоров. Стоило ли все это того, чтобы удерживать их? Напротив, было крайне важно, как можно скорее удалить их, ибо помимо того, что они развращали молодежь своим обучением и своим раболепным примером, они были весьма деятельными, весьма ревностными агентами этого рокового дома Габсбургов, который уже воцарился в Богемии в качестве своей добычи.

Ян Гус и Иероним Пражский, его друг и ученик, много содействовали их изгнанию. Поэтому, когда император Сигизмунд, нарушая право неприкосновенности, которое он им обещал, предал их сперва суду Констанского Собора, а затем велел сжечь их обоих, одного в 1415 г., а другого в 1416 г., там, в сердце Германии в присутствии громадного стечения немцев, прибывших издалека, чтобы насладиться зрелищем, не раздался ни один голос, протестующий против этой вероломной и бесчестной жестокости. Нужно было, чтобы прошло еще сто лет для того, чтобы Лютер реабилитировал в Германии память этих двух великих славянских реформаторов и мучеников.

Но, если немецкий народ, вероятно еще спящий и грезящий, оставил без протеста это постыдное преступление, чешский народ протестовал чудовищной революцией. Великий, грозный Жижка, этот народный герой-мститель, память о ком живет еще, как залог будущего, в недрах богемских деревень, восстал и, во главе своих таборитов, исколесив всю Богемию, сжигал церкви, истреблял священников и сметал всех паразитов, императорских или немецких, что тогда было равнозначуще, ибо все немцы в Богемии были сторонники императора. После Жижки, явился великий Прокоп, вселявший ужас в сердца немцев. Даже сами буржуа Праги, впрочем бесконечно более умеренные, чем Гусситы деревень, в 1419 году выбрасывали, по старинному обычаю страны, в окна сторонников императора Сигизмунда, когда этот бесчестный клятвопреступник имел наглую циническую смелость заявить себя претендентом на вакантную корону Богемии. Хороший пример, достойный подражания! Так следовало бы поступать, в видах всемирного освобождения, со всеми, кто

захотел бы навязать себя народным массам в качестве официальной власти, под какой бы маской, под каким бы предлогом и под каким бы наименованием это ни было.

В течение семнадцати лет подряд, эти ужасные Табориты, живя друг с другом в братских общинах, побивали все Саксонские, Франконские, Баварские, Рейнские и Австрийские войска, которые император и папа посылали в крестовые походы против них. Они очищали Моравию и Силезию и несли ужас своего оружия в самое сердце Австрии. Они были, наконец, побиты императором Сигизмундом! Почему? Потому что они были ослаблены интригами и изменой тоже чешской партии, но образованной коалицией туземного дворянства и буржуазии Праги, немцев по воспитанию, положению, идеям и нравам, если не по сердцу, и называвшейся из оппозиции к Таборитам, коммунистам и революционерам, - партией калистенов, требующей мудрых и возможных реформ, представлявшей одним словом в эту эпоху в Богемии ту самую политику лицемерной умеренности и умелого бессилия, которую так хорошо представляют теперь г. г. Палацкий, Ригер, Браунер и Ко.

Начиная с этой эпохи, народная революция быстро пошла на убыль, уступая место сперва дипломатическому влиянию, а век спустя господству австрийской династии. Политики, умеренные, ловкие, пользуясь победой гнусного Сигизмунда, овладели правительством, как они сделают, вероятно, с Францией, после окончания этой войны и для вящего несчастья Франции. Они послужат - одни сознательно, и с большой пользой для своих карманов, другие глупо сами, не подозревая того, орудием австрийской политики, как Тьеры, Жюли Фавры, Жюли Симоны, Пикары и много других послужат орудиями в руках Бисмарка. Австрия магнетизировала их и вдохновляла их. Двадцать пять лет спустя после поражения Гусситов Сигизмундом, эти ловкие и осторожные патриоты нанесли последний удар независимости Богемии, разрушив руками своего короля Подебрада город Табор, или скорее военный лагерь Таборитов. Так буржуазные республиканцы Франции восстанавливают и еще больше будут восстанавливать своего президента или короля против социалистического пролетариата, этого последнего военного лагеря будущего и национального достоинства Франции.

В 1526 году корона Богемии досталась, наконец, австрийской династии, которая уже больше не выпустила ее из своих рук. В 1620 г. после агонии, длившейся немного меньше ста лет, Богемия, преданная мечу и огню, опустошенная, разграбленная, разгромленная и на половину обезлюдившаяся, разом потерявшая все, что оставалось у нее от былой самостоятельности, национального существования и политических прав, оказалась закованной под тройным игом императорской администрации, немецкой цивилизации и австрийских Иезуитов. Будем надеяться, для чести и спасения человечества, что с Францией не случится того-же.

В начале второй половины пятнадцатого века немецкая нация представила, наконец, доказательство ума и жизни, и это доказательство, нужно признаться, было блестящим. Она изобрела книгопечатание, и этим путем, созданным ею самою, она вошла в сношения с интеллектуальным движением всей Европы. Ветер Италии, сирокко свободной мысли пахнул на нее, и под этим горячим дыханием растаяло ее варварское безразличие, ее ледяная неподвижность. Германия делается гуманистской и гуманной

Кроме прессы был еще и другой менее общий и более живой способ сношений. Немецкие путешественники, возвращаясь из Италии к концу этого века, приносили из нее новые идеи, Евангелие человеческого освобождения и пропагандировали его с религиозной страстью. И на этот раз, драгоценное семя не было утеряно. Оно нашло в Германии почву, совсем подготовленную для его восприятия. Эта великая нация, пробужденная к мысли, к жизни, к действию, в свою очередь должна была взять в свои руки управление умственным движением. Но увы! она оказалась неспособной сохранить его за собой больше двадцати пяти лет.

Следует хорошо различать между движением Возрождения и движением религиозной Реформы. В Германии, первое очень немного предварило лишь второе. Был короткий период между 1517 и 1525 годами, когда эти два движения казались слившимися, хотя они были воодушевлены совершенно противоположным духом. Одно было представлено такими людьми, как Эразм, Рейхлин, благородный героический Ульрих фон-Гуттен, поэт и гениальный мыслитель, ученик Пик-де-Мирандоля и друг Франца фон-Сиккингена, Эколампада и Цвингли, который образовал в некотором роде связь между чисто философским движением Возрождения, чисто религиозным превращением веры благодаря протестантской Реформе и революционным восстанием масс, вызванным первыми проявлениями этой реформы. Другое движение, представленное главным образом Лютером и Меланхтоном, двумя отцами нового религиозного и теологического развития Германии. Первое из этих движений - глубоко гуманитарное стремилось под влиянием философских и литературных работ Эразма, Рейхлина и других к полному освобождению ума и к разрушению грубых верований христианства и, в то же время, благодаря более практической и более героической деятельности Ульриха фон Гуттена, Эколампада и Цвингли оно стремилось к освобождению народных масс от дворянского и княжеского гнета. Между тем, как движение Реформы, фанатически религиозное, теологическое и, как таковое, полное почтения к божественному и презрения к человеческому, суеверное до такой степени, что способно видеть дьявола и бросать ему чернильницу в голову, - как это, говорят, случилось с Лютером в Вартбургском Замке, где еще показывают чернильное пятно на стене, - должно было необходимо сделаться непримиримым врагом и свободы ума и свободы народов.

Во всяком случае, как я сказал уже, был момент, когда эти два движения, столь противоположные, должны были в действительности слиться, первое будучи революционным по принципу, второе вынужденное быть таковым по положению вещей. Впрочем в самом Лютере было очевидное противоречие. Как теолог, он был и должен был быть реакционером, но по натуре, по темпераменту, по инстинкту, он был страстным революционером. Он имел натуру человека из народа, и эта могучая натура отнюдь не была создана, чтобы терпеливо переносить чье бы то ни было иго. Он не хотел склоняться перед Богом, в которого слепо верил, и присутствие и милость которого он, по его мнению, чувствовал в своем сердце. И во имя этого-то Бога мягкий Меланхтон ученый теолог и только теолог, его друг, ученик, а в действительности его учитель и укротитель его львиной натуры, сумел окончательно приковать его к реакции.

Первые рыканья этого сурового и великого немца были совершенно революционными. Нельзя в самом деле придумать ничего более революционного, чем его манифесты против

Рима; чем ругательства и угрозы, которые он бросал в лицо принцев Германии, чем страстная его полемика против лицемерного и развратного деспота и реформатора Англии, Генриха VIII. С 1517 до 1525 года в Германии только и слышно было, что громовые раскаты этого голоса, который, казалось, призывал немецкий народ к общему обновлению, к революции.

Его призыв был услышан. Крестьяне Германии поднялись с грозным кличем, с кличем социалистов: Война дворцам, мир хижинам! который переводится ныне еще более грозным криком: "Долой всех эксплуататоров и всех опекунов человечества, свобода и процветание труду, равенство всех и братство человеческого мира, свободно образованного на развалинах всех государств!"

Это был критический момент для религиозной Реформы и для всей политической судьбы Германии. Если бы Лютер захотел встать во главе этого великого народного социалистического движения сельских населений, восставших против их феодальных сеньеров, если бы буржуазия городов поддержала его, все было бы покончено с Империей, деспотизмом принцев и наглостью дворян в Германии. Но для того, чтобы поддержать его, нужно было бы, чтобы Лютер не был теологом, который более озабочен божественной славой, чем человеческим достоинством, и возмущен, что угнетенные люди, рабы, которые должны бы думать лишь о вечном спасении их душ, осмеливаются требовать свою долю человеческого счастья на этой земле, нужно было бы также, чтобы буржуа городов Германии не были немецкими буржуа.

Раздавленный равнодушием и в весьма значительной части также явной враждебностью городов и теологическими проклятиями Меланхтона и Лютера гораздо более, нежели вооруженной силой сеньеров и принцев, этот грозный бунт крестьян Германии был побежден. Десять лет спустя было также подавлено другое восстание, последнее, которое было вызвано в Германии религиозной Реформой. Я говорю о попытке мистико-коммунистической организации анабаптистов Мюнстера, столицы Вестфалии. Мюнстер был взят, и Иван Лейденский, анабаптистский пророк, при рукоплесканиях Меланхтона и Лютера был казнен.

Впрочем, уже пять лет перед тем, в 1580 году два теолога Германии наложили печать на все последующее движение их страны, даже религиозное, представив императору и принцам Германии свою Аугсбургскую Исповедь. Эта Исповедь, разом подрезая крылья свободному полету души, отрицая даже ту самую свободу индивидуальной совести, во имя которой возникла Реформация, навязывая им, как абсолютный божественный закон, особый догматизм под охраной протестантских принцев, признанных естественными покровителями и главами религиозного культа, установила новую официальную церковь, которая, будучи более абсолютна, чем даже Римско-католическая церковь, и столь же раболепна перед земной властью, как Византийская церковь, стала отныне в руках этих протестантских принцев орудием ужасного деспотизма и осудила всю Германию - как протестантскую, так рикошетом и католическую - по меньшей мере на три века самого оскотиневающего рабства, - рабства, которое, увы, даже ныне, как мне кажется, не расположено уступить место свободе[40]*.

Было большим счастьем для Швейцарии, что Страсбургский Собор, управлявшийся в том же году Цвингли и Бюсером, отверг эту конституцию рабства, - конституцию якобы религиозную, - и таковою она была на самом деле, ибо во имя Бога она освящала абсолютную власть принцев. Вышедшая почти исключительно из теологической и ученой головы профессора Меланхтона, под очевидным давлением глубокого, безграничного, непоколебимого раболепного уважения, которое всякий немецкий добропорядочный буржуа и профессор испытывает к личности своих учителей, она была слепо принята немецким народом, потому что его принцы приняли ее, - новый симптом не только внешнего, но и внутреннего, исторического рабства, тяготеющего на этом народе.

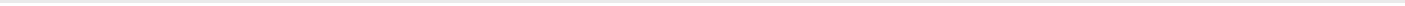
Эту, впрочем, столь естественную тенденцию протестантских принцев Германии разделить между собою обломки духовной власти папы или сделаться главами Церкви в пределах своих государств, мы находим также и в других протестантских монархических странах, напр. в Англии и в Швеции. Но ни в той, ни в другой ей не удалось восторжествовать над гордым чувством независимости, которое проснулось в народах. В Швеции, Дании и Норвегии народ и особенно крестьянский класс сумел удержать свою свободу и свои права, как против вторжений дворянства, так и против вторжений монархии. В Англии борьба англиканской официальной Церкви с свободными церквями пресвитерианцев Шотландии и независимых Англии привела к великой и памятной революции, от которой ведет свое счисление национальное величие Великобритании. Но в Германии столь естественный деспотизм принцев не встретил тех же препятствий. Все прошлое немецкого народа, столь преисполненного мечтами, но столь бедное свободными мыслями и действиями или народной инициативой, было отлито, если можно так выразиться, в форму набожного подчинения и почтительного послушания, покорного и пассивного; он не нашел в себе самом в этот критический момент своей истории ни достаточной энергии и независимости, ни необходимой страсти, чтобы поддержать свою свободу против традиционной и грубой власти своих бесчисленных государей, дворян и принцев. В первый момент энтузиазма он, правда, обнаружил великолепный порыв. Одно время Германия казалась слишком узкой для того, чтобы сдержать ее клокочущую революционную страсть. Но это был лишь один момент, один порыв и как бы временное и искусственное проявление воспаления мозга. Скоро ему нехватило дыхания; и отяжелев, без дыхания и без сил он рухнул. Тогда, снова обузданный Меланхтоном и Лютером, он спокойно позволил вернуть себя в стойло, под историческое и спасительное иго принцев.

Он видел во сне свободу и пробудился рабом больше, чем когда либо. С тех пор Германия сделалась истинным центром реакции в Европе. Не довольствуясь проповедыванием рабства на собственном примере и посылкой своих принцев, принцесс и дипломатов для введения и пропаганды его во всех странах Европы, она сделала его предметом своих глубоких научных спекуляций. Во всех других странах администрация в самом широком смысле этого слова, как организация бюрократической и фискальной эксплуатации государством народных масс рассматривается, как искусство, - искусство обуздывать народы, удерживать их в строгой дисциплине и стричь их, не заставляя кричать слишком громко. В Германии это искусство преподается как наука, во всех университетах. Эта наука могла бы быть названа современной теологией, теологией культа Государства. В этой религии земного абсолютизма государь занимает место Господа Бога, бюрократы занимают место священников, и народ, разумеется, всегда - жертва, приносимая на алтарь

государства.

Если правда, - как я в этом глубоко убежден, - что только инстинктом свободы, ненавистью к угнетателям и способностью взбунтоваться против всего, что носит характер эксплуатации и господства в мире, против всякого рода эксплуатации и деспотизма, - проявляется человеческое достоинство германских наций и народов, нужно согласиться, что с тех пор, как существует германская нация до 1848 года, одни крестьяне Германии доказали своим бунтом в шестнадцатом веке, что эта нация не абсолютно чужда этому достоинству.

Напротив того, если бы захотели судить о германском народе по делам и проявлениям его буржуазии, то пришлось бы сделать заключение, что он предназначен осуществить собой идеал добровольного рабства.

Версия #1

██████████ ██████████ создал 2 мая 2025 00:43:50
██████████ ██████████ обновил 2 мая 2025 00:57:43